

Тереза Энн
Фаулер

Z — значит Зельда

[роман]

Тереза Энн Фаулер

Z – значит Зельда

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8509402

Z – значит Зельда: роман / Тереза Энн Фаулер; [пер. с англ. Е. Д.

Сыромятниковой].: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-080156-5

Аннотация

Зельда Фицджеральд. Одна из самых красивых и ярких женщин «эпохи джаза». Жена и муза крупнейшего писателя «потерянного поколения». Ее имя стало символом экстравагантности и элегантности. История жизни Зельды Фицджеральд овеяна столькими легендами, что понять, какой она была на самом деле, очень сложно. Тереза Энн Фаулер совершила невозможное – дала «подлинной» Зельде рассказать собственную историю!

Содержание

Пролог	5
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тереза Энн Фаулер

Z – значит Зельда

Therese Anne Fowler

Z: A NOVEL OF ZELDA FITZGERALD

Перевод с английского *Е.Д. Сыромятниковой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Wendy Sherman Associates, Inc. и Jenny Meyer Literary
Agency, Inc.

© Therese Anne Fowler, 2013

*Исключительные права на публикацию книги на русском
языке принадлежат издательству AST Publishers.*

Пролог

Монтгомери, Алабама

20 декабря 1940

Дорогой Скотт!

«Любовь последнего магната» – замечательное название для романа. А что говорит Макс?

Я подумала, вдруг я наберусь смелости для перелета и приеду провести тебя на Новый год. Если сможешь, вышли мне деньги на билет. Презабавная парочка из нас получится – ты с больным сердцем и я с больной головой. Но вместе, возможно, мы сложим что-то стоящее. Я привезу тебе сырных крекеров, которые ты всегда так любил, а ты будешь читать мне то, что успел написать. Я знаю, это будет чудесный роман, Скотт, твое лучшее произведение на сегодняшний день.

Письмо вышло короткое, так что я успею отправить его сегодня до закрытия почты. Не затягивай с ответом.

Твоя преданная

Z.

Если бы я могла втиснуться в щель почтового ящика, то отправилась бы вслед за письмом в Голливуд, прямо к Скот-

ту, на порог нашего нового будущего. Оно у нас всегда было новое, так почему бы не приступить к очередному прямо сейчас? Если бы только люди могли путешествовать так же легко, как слова! Вот было бы здорово! И если бы нас можно было так же легко исправить!

Звения ключами, подходит почтмейстер – пора закрывать контору.

– Как дела, мисс Сейр? – интересуется он, хотя прекрасно знает, что с 1920 года я – миссис Фицджеральд.

Он настоящий алабамец, этот Сэм, «Сейр» произносит как «Сей-йе». А вот я научилась выговаривать эти рокошующие согласные, долго прожив вдали от дома.

Я прячу руки в карманах и направляюсь к дверям.

– Все в полном порядке, Сэм, спасибо. Надеюсь, у вас тоже.

Он придерживает мне дверь.

– Бывало и похуже. Доброго вечера.

И у меня бывало и похуже. Намного хуже, и Сэму об этом известно. Как и остальным жителям Монтгомери. Я ловлю на себе их пристальные взгляды – на рынке, на почте, в церкви. Слышу шепотки о том, что я спятила, мой брат спятил... мол, печально наблюдать, как дети судьи Сейра разрушают его наследие.

– Это все от их маменьки, – шепчут они, хотя матушка, чей главный порок – происхождение (она приехала из Кентукки), была ничуть не безумнее любого из них. Но это, как

я теперь понимаю, не так уж много значит.

На улице солнце уже опустилось за горизонт, устав от этого дня, от этого года, готовое, как и я, начать все сначала. Как скоро Скотт получит мое письмо? Как скоро я получу от него ответ? Если бы могла, то завтра же купила бы билет на самолет. Пришло время мне заботиться о нем.

Время...

Когда-то у нас его было в избытке — настолько, что мы растрачивали его, проводя дни в похмельном тумане и встречаясь с людьми, которых я давным-давно позабыла. Теперь же оно превратилось в драгоценность, какую мы и представить себе не могли. Слишком много дорогих нам людей потерпели крах или погибли.

От катастрофы человека защищает лишь везение. Не любовь. Не деньги. Не вера. Не чистое сердце и добрые дела. Впрочем, и дурные тоже не спасут. Любого из нас могут подкосить, растоптать, унижить, уничтожить.

Взять, к примеру, меня. До апреля этого года, когда переехала сюда, к маме, я провела шесть лет, сменяя одну лечебницу за другой, в тщетных попытках вылечить изломанный разум и подавленный дух. Скотт тем временем скитался по отелям и гостиницам в разных городах, всегда неподалеку от меня. Но однажды Голливуд снова поманил его, и я заставила Скотта отправиться туда. Везения ему это не прибавило: вот уже три года, как он борется с алкоголем и с руководителями студий. В начале месяца пережил легкий сердечный

приступ.

Подозреваю, он нашел себе кого-то в Голливуде, хотя продолжает мне писать, и заканчивает каждое письмо неизменным «С нежной любовью...» Я всегда пишу «Твоя преданная...» Даже сейчас, когда вот уже шесть лет мы живем порознь, когда он, должно быть, озаряет своим сиянием какую-то обожательницу, несомненно верящую, что спасла его, мы оба пишем эти слова совершенно искренне. Это то, что есть у нас сейчас, это мы, какие есть. Многое прошло – хорошее и плохое.

Милдред Джеймсон, которая учила меня шить, когда я только поступила в старшие классы, окликает, когда прохожу мимо ее крыльца:

– Эй, Зельда, когда же твой дружок вернется за тобой?

В этом городке мы, Скотт и я, знамениты. Местные следили за каждым поворотом нашей истории, вырезая заметки о нас из газет, разглагольствуя о событиях и дружеских связях, столь же воображаемых, как в наших книгах. Слухи нельзя прекратить, с ними нельзя даже бороться, так что волей-неволей учишься подыгрывать.

– Он пишет новый киносценарий, – отвечаю я.

Это звучит сексуальней, чем правда: что он покончил с киностудиями – утверждает, что раз и навсегда, – и работает только над книгой.

Милдред подходит к перилам.

– Но нельзя же еще одно Рождество провести порознь! –

Ее седые волосы заколоты шпильками и окутаны газовым шарфом. – Скажи ему, пусть поторопится, Бога ради. И пусть впишет в фильм этого красавчика Кларка Гейбла. Господи, до чего я люблю Ретта Батлера!

– Передам, – киваю я.

– Обязательно передай. И пускай поторопится! Никто из нас тут не молодеет.

– Уверена, он работает настолько быстро, насколько может.

В 1928-м году в Париже, на званом ужине в честь Джеймса Джойса, Скотт сетовал, что «Гэтсби» продается вяло, а за новую книгу никак не получается взяться. Джойс тогда сказал, что его новый роман тоже продвигается медленно и он надеется завершить его через три-четыре года.

– Годы! – не уставал восклицать после этого Скотт, еще не догадываясь, что между «Гэтсби» и его следующим романом пролягут девять странных и беспокойных лет.

Сейчас снова прошли годы – шесть лет, но я убеждена, что этот роман он скоро закончит. После всего, что ему пришлось пережить: после всех разочарований и оскорблений – этот роман возродит его. И для читателей, и для самого себя.

На днях он написал мне:

Я нашел название: «Любовь последнего магната». Как тебе? Между тем я дочитал Эрнестово «По ком звонит коло-

кол». Не так хорошо, как прошлое его творение, потому что в Голливуде за него дали больше ста тысяч. Прибавь к этому еще пятьдесят кусков, которые он получит за «Книгу месяца»... Да он будет просто купаться в деньгах. Нам такое и не снилось (хотя прикидывались мы знатно). А ведь раньше он не мог позволить себе ничего роскошней ветхой квартир-ки над лесопилкой в Париже, помнишь?

Эрнест... Скотт считает, что сейчас мы все в равном положении – он, Хемингуэй и я. Сказал, что ему прислали подписанную книгу: «Скотту, с любовью и уважением». Он был очень доволен. Я могла бы ответить, но не стала, что Хемингуэй может позволить себе быть великодушным. Почему бы и нет, если мы все сейчас, по его меркам, заняли положенные места?

Скотт продолжал:

Только что наткнулся на членскую карточку Загородного клуба Монтгомери 1918 года на имя лейтенанта Ф. С. Фицджеральда... Помнишь такого? Смелый, рискованный, романтический бедолага. Он был без памяти влюблен в писательство, в жизнь и в одну дебютантку из Монтгомери, которую все ребята помельче считали недостижимой. Его сердце так до конца и не оправилось.

Интересно, мы с тобой уже совсем пропали? Общество считает именно так, но у тебя были хорошие восемь меся-

цев после больницы, да и мое положение потихоньку улучшается. Я с прошлой зимы ни капли не выпил, представляешь?

Но Зельда, чего бы мы ни отдали, чтобы вернуться к началу, снова стать теми людьми, для которых будущее было таким свежим, таило столько обещаний, что казалось, просто невозможно все испортить, да?

Помоги мне Господь, я соскучилась.

Хотела бы я сказать всем, кто считает, что мы пропали, кто верит, что Скотт окончательно выжат, а у меня в голове жмутся друг к другу промокшие мыши: «Присмотритесь!»

Присмотритесь и вы увидите нечто необыкновенное, загадочное, подлинное. Мы никогда не были теми, кем казались.

Часть 1

*Только перестав касаться дна, узнаешь,
насколько ты высок.*

Т. С. Элиот

Глава 1

Представьте раннее пасмурное субботнее утро. Конец июня 1918 года. Монтгомери облачается в свое лучшее весеннее платье и благоухает изысканными цветочными духами – наряд, который и я собиралась надеть вечером того дня. Наш дом, просторное здание в викторианском стиле на Плезант-авеню, был окутан облаком крошечных белых цветов жасмина и роскошных пурпурных выюнков. Птахи, собравшиеся на ветвях большой магнолии, заливались во весь дух, будто пробовались на сольные партии в воскресном хоре.

Из окна на нашей черной лестнице я видела, как мимо ковыляет кляча, тянущая за собой дребезжащий фургончик. За ним шли две цветные женщины, криками оповещая окружающих о своем товаре.

– Свекла! Горошек! Репа! – голосили они, перекрикивая птиц.

– Эй, Кэти, – позвала я, заходя в кухню. – Там Бесс и Кла-

ра, слышишь?

На широком деревянном столе красовалось блюдо, накрытое кухонным полотенцем.

– Без добавок? – с надеждой спросила я, выуживая из-под салфетки крекер.

– Нет, с сыром. Ну-ка, не морщитесь. – Кэти открыла дверь, чтобы помахать подругам. – Сегодня ничего не нужно! – крикнула она. – Нельзя же есть персиковое варенье каждый день, – добавила Кэти, обернувшись ко мне.

– Старая тетушка Джулия говорила, только его сладость и спасает меня от обращения к дьяволу. – Я откусила кусок печенья и спросила с набитым ртом: – Лорд и Леди еще спят?

– Оба в гостиной, что, полагаю, тебе известно, поскольку ты воспользовалась черной лестницей.

Я отложила печенье, чтобы подвернуть пояс юбки еще раз, оголяя лодыжки еще на дюйм.

– Вот.

– Может, все-таки стоило достать вам варенья, – покачала головой Кэти. – Надобно, по крайней мере, надеть туфли.

– Слишком жарко, и дождь собирается. Туфли промокнул, у меня сморщатся пальцы на ногах, облезет кожа. Тогда точно придется ходить босой, а это никак нельзя – сегодня вечером я танцую соло.

– Появись я на публике в таком виде, матушка меня бы выпорола, – усмехнулась Кэти.

– Не выпорола бы, тебе тридцать лет.

– Думаешь, ее бы это остановило?

Я подумала о том, как мои родители все еще опекали и поучали моих трех сестер и брата. А ведь все они были по меньшей мере на семь лет старше меня, состоявшиеся взрослые люди с собственными детьми. Все, кроме Розалинды. Мы называли ее Тутси. Тутси и ее муж Ньюман, который воевал во Франции, как и Джон, муж нашей сестры Тильды, не торопились обзаводиться детьми. Или дети не торопились у них появляться. Еще я вспомнила, как бабушка Музидора, когда жила с нами, без удержу давала наставления моему отцу обо всем: от стрижек до судебных вердиктов.

Значит, нужно просто убраться от родителей подальше и не возвращаться.

– Ну, неважно. – Я отступила к задней двери, сулящей спасение. – Пока меня никто здесь не заметил...

– Детка! – Я подпрыгнула от звука маминого голоса, донесшегося от двери за нами. – Где твои чулки и туфли?

– Я как раз собиралась...

– ...вернуться в свою комнату и одеться. Не вздумай отпрашиваться в город в таком виде!

– Простите, – воскликнула Кэти, – я только что вспомнила: у нас заканчивается репа.

Она быстренько скрылась.

– Я и не собиралась в город, – соврала я. – Иду в сад. Хочу порепетировать перед сегодняшним выступлением. – Я вы-

тянула руки и сделала изящное плие.

– Да, прелестно, – кивнула мама. – Но уверена, на репетиции нет времени. Разве ты не говорила, что собрание Красного Креста начинается в девять?

– А который час? – Я обернулась и посмотрела на часы, которые показывали без двадцати девять. Бегом бросилась мимо мамы к лестнице. – Мне надо обуться и выходить!

– Умоляю, скажи, что ты надела корсет! – крикнула она мне вслед.

Тутси сонно моргала на верхней лестничной площадке, все еще в ночной рубашке и с растрепанными волосами.

– Что происходит?

Когда Ньюман осенью отбыл во Францию, чтобы сражаться под началом генерала Першинга, Тутси вернулась домой и поселилась здесь до его возвращения.

– Если он вообще вернется, – мрачно заявила она, заработав строгий взгляд от папы, которого мы все называли судьей, потому что он был верховным судьей штата Алабама.

– Прояви гордость, – пожурил он Тутси. – Каким бы ни был исход, служба Ньюмана делает честь всему Югу.

– Во имя всего святого, на дворе двадцатый век, папочка! – выдала она.

Сейчас я ответила ей:

– Ее высочество считает, моему наряду не хватает еще од-

ного слоя.

– Правда, детка, если ты пойдешь без корсета, мужчины будут считать тебя...

– Аморальной?

– Да.

– А может, мне все равно, – откликнулась я. – Нынче все изменилось. Военный совет велел не носить корсеты...

– Они призывали не покупать их. Но хорошая попытка. – Она проследовала за мной в мою спальню. – Если уж тебя не волнует общество и его нормы, подумай о себе. Если судья узнает, что ты ушла из дома полуголая, он с тебя шкуру спустит.

– Я пыталась подумать о себе, – возразила я, снимая блузку. – Но тут вмешались все вы.

Мама все еще была в кухне, когда я с шумом спустилась обратно.

– Так-то лучше. Теперь поправь юбку, – она указала на мою талию.

– Мама, нет. Она мешает на бегу.

– Просто поправь ее, пожалуйста. Я не могу позволить, чтобы ты принесла доброе имя судьи в жертву своей торопливости.

– В такую рань нет никого, кроме прислуги. И вообще, когда это ты стала такой щепетильной?

– Это вопрос приличий. Тебе семнадцать...

– Через двадцать шесть дней будет восемнадцать.

– Тем более. Пора вырасти из образа мальчишки-сорванца.

– Тогда считай это данью моде. В журнале «Макколс» пишут, что линия подола постепенно поднимается.

– Но не настолько же, – она кивнула на мою юбку.

Я поцеловала ее чуть оплывшую щеку. Никакие кремы и пудры не могли скрыть следов времени. Маме было уже почти пятьдесят семь, и все эти годы проявлялись в ее испещренном морщинами лице, в забранных наверх волосах, в упорном нежелании расставаться с завышенной талией и длинными, до пола, юбками в духе эпохи короля Эдуарда. Она категорически отказывалась позволить себе хоть что-то новое.

– Идет война, – говорила она, будто это все объясняло.

Мы с Тутси так гордились, когда на Новый год она отказалась от своих турниров.

– Пока, мама! – крикнула я. – Не жди меня к обеду, я поем в закусочной с девочками.

Едва скрывшись с ее глаз, я села на траву и стянула туфли и чулки, чтобы освободить пальцы.

«Жаль, – подумала я, – что самой освободиться будет не так легко».

Я направилась к Декстер-авеню, главной артерии нашего города, поднимающейся к украшенному куполом и колоннами Капитолию, самому внушительному зданию, какое мне

доводилось видеть. Вдали пророкотал гром. Напевая мелодию, под которую мне предстояло выступать, я вприпрыжку бежала, вдыхая запах свежескошенной травы, мокрого мха и сладких, подгнивающих цветов катальпы.

Тогда балет был моей единственной настоящей любовью. Я отдала ему сердце в тот самый миг, когда в девять лет мама записала меня в школу танцев профессора Вейснера в безуспешной попытке отучить от лазания по деревьям и крышам. Музыка и балетные па таили в себе радость и драму, страсть и романтику – все, чего я жаждала в жизни. Костюмы, истории, роли таили шанс для меня стать чем-то большим, чем младшей из девочек Сейр – последней в очереди, вечно ждущей, когда же она дорастет до того, чтобы дорасти.

Я как раз миновала пересечение улицы Милдред и улицы Сейр – да, названной в честь нашей семьи, когда мне на щеку упала первая капля, потом вторая – на лоб, а затем Бог открыл вентиль на полную мощность.

Я побежала к ближайшему дереву и нашла зыбкое укрытие под его ветвями. Ветер трепал листья и хлестал меня дождевыми струями. В считанные минуты я оказалась насквозь мокрой. Промокнуть сильнее было уже невозможно, и я продолжила свой путь, представляя, что деревья – это кордебалет, а я играю сиротку, наконец-то сбежавшую от колдуна-тирана. Может, я и заблудилась в лесу, но, как в лучших балетных постановках, в конце непременно появится принц.

У широкого круглого фонтана, бьющего на пересечении Судебной улицы и Декстер-авеню, я облокотилась на перила и встряхнула непослушными волосами. Пока раздумывала, не выкинуть ли чулки и туфли в фонтан, вместо того, чтобы натягивать их мокрыми, по бульвару мимо меня проехало несколько автомобилей и дребезжащих трамваев. Вспомнив, что через двадцать шесть дней мне исполнится восемнадцать, я все же обулась.

Так, одевшись более или менее прилично, я пошла по улице к новой конторе общества Красного Креста, обустроенной среди магазинов на южной стороне Декстер-авеню. Хотя дождь постепенно утихал, тротуары все еще были практически пусты. А значит, к маминой радости, не так уж много людей заметят меня такой расхристанной.

«О каких же глупостях мама беспокоится, — подумала я. — Как и все женщины».

Скольким же правилам нужно следовать, сколько приличий соблюдать, если ты девушка! Прямая осанка. Перчатки на руках. Ненакрашенные (и нецелованные) губы. Наглаженные юбки, скромные слова, опущенный взгляд, целомудренные мысли. Я считала все эти правила ерундой. Юноши любили меня как раз за то, что я была готова стрелять шариками из жеваной бумаги и отпускать непристойные шутки и позволяла целовать себя, если от них хорошо пахло, а я была в настроении. Я основывала свои стандарты на доводах рассудка, а не под давлением общества. Прости, мама. Ты еще

получше остальных.

* * *

В центре «Красный Крест» собралось человек двадцать добровольцев, большинство из них – мои подруги, которые и бровью не повели, заметив, в каком виде я пришла. Только моя самая старшая сестра Марджори, которая сновала туда-сюда, раздавая брошюры и выпечку, подняла шум:

– Детка, ты кошмарно выглядишь! Ты не надела шляпу? – Она попыталась пригладить мои волосы, но быстро сдалась. – Безнадежно. Вот, держи, – она протянула мне кухонное полотенце. – Вытрись. Если бы мы так отчаянно не нуждались в добровольцах, я бы отправила тебя домой.

– Не переживай, – пробормотала я, вытирая голову полотенцем.

Я знала, она все равно будет переживать. Когда я родилась, Марджори исполнилось четырнадцать, и она была мне практически второй матерью, пока не вышла замуж и не переехала в дом за несколько улиц от нашего. К тому времени, конечно, привычка пустила корни. Я повесила полотенце ей на плечи, и мы пошли подыскать себе места.

Элеанор Броудер, моя тогдашняя лучшая подруга, заняла мне местечко напротив нее за одним из столов, выстроенных длинными рядами. Справа от меня сидела Сара Мэйфилд. Мы называли ее «Вторая Сара», первой была наша задушев-

ная подруга Сара Хаардт, которая тогда училась в колледже в Балтиморе. Вторая Сара была в паре с Ливи Харт, чья шевелюра могла поспорить в смоляном эбонитовом блеске с волосами еще одной нашей подруги Таллулы Бэнкхед. Таллу со своими волосами выиграла конкурс красоты «Кинодива», когда нам было по пятнадцать, а теперь пожинала плоды победы, строя карьеру актрисы в Нью-Йорке. Жизнь Таллу и ее волос была наполнена путешествиями и блеском, и я завидовала ей, хотя и любила Монтгомери. Уж Таллу-то никто не указывал, какой длины должны быть ее юбки.

Мы ждали начала собрания, обмахиваясь веерами, чтобы хоть как-то развеять духоту. Высокие, выкрашенные в абрикосовый цвет стены были обклеены плакатами Красного Креста. На одном была изображена полная пряжи корзина с двумя вязальными спицами. Она призывала читателей: «Мальчикам нужны носки! Берись за спицы!» На другом возле огромного ярко-красного креста стояла медсестра в чудовищно непрактичных пышном платье и развевающимся плаще. На руках медсестры покоились покосившиеся носилки, на которых лежал раненый солдат, вместе с носилками завернутый в темное одеяло. С моего места медсестра казалась великаншей, а солдат был готов вот-вот соскользнуть с носилок ногами вперед, если медсестра не обратит на него свой великанский взгляд. Надпись под изображением гласила: «Величайшая мать в мире».

Я толкнула Сару локтем и кивнула на плакат:

– Как думаешь, имеется в виду Богоматьерь?

Ответить Сара не успела. Раздался стук трости по деревянному полу, и мы все повернулись к дородной миссис Бейкер, одетой в перехваченный ремнем костюм стального цвета. Эта поистине пугающая дородная женщина приехала из Бостона, чтобы помочь тренировать добровольцев. Казалось, посади ее на корабль, идущий во Францию, и она в одиночку выиграет войну.

– Всем доброго утра, – отчеканила она. – Вижу, вам удалось отыскать нас без лишних усилий. Война продолжается, а значит, и мы должны продолжать с удвоенной силой работать и искать добровольцев.

Некоторые девушки захлопали в ладоши. Это были самые младшие члены организации, которым только-только позволили к нам присоединиться.

Миссис Бейкер кивнула, отчего ее подбородок на мгновение растворился в шее.

– Итак, некоторым из вас доводилось накладывать повязки на пальцы и руки. Принцип перевязывания ноги или туловища – такой же. Однако есть важные различия, на которые нам следует обратить внимание. Для тех из вас, кто не проходил инструктаж, я начну с самого начала. Итак, первым делом берем отрез небеленого ситца...

Пока я выжимала дождевую воду из подола, миссис Бейкер рассказала о длине, ширине, натяжении и приступила к демонстрации. Она передала конец куска ткани девушке, си-

дящей ближе всех.

– Встань, дорогая. Одна из вас держит скатку и отматывает ткань по мере необходимости – это раскатчица. Большие пальцы раскатчицы должны быть на скатке, указательный – под отрезом, вот так. Указательные пальцы крепко прижаты к скатке, большие пальцы вытянуты, чтобы достичь максимального натяжения. Все, поднимайтесь, и приступаем.

Я вытащила небрежно скатанную ткань из одной из корзин, выстроившихся в ряд на полу позади нас. Этот ситец, сейчас ослепительно-белый, скоро пропитается кровью, обмотанный вокруг человеческого туловища, покрытого коркой пыли и притягивающего мух. Я видела страдания солдат на фотографиях в книгах, которые рассказывали о том, что папа называл «зверствами, учиненными над нами войсками Союза».

Эти книги и рассказы о гражданской войне предназначались моему брату Тони, который был на семь лет старше меня и служил сейчас во Франции, но папа никогда не выгонял меня из салона во время этих бесед. Напротив, он жестом призывал меня оторваться от пианино, на котором я наигрывала простые мелодии, и присесть к нему на колено.

– Мы, Сейры, оставили достойный след в Монтгомери, – говорил он, переворачивая страницы книги. – Смотри. Это когда-то была резиденция моего дяди Уильяма, где он воспитывал своего младшего брата Дэниэла, твоего деда. Потом она стала первым Белым домом Конфедерации.

– Так улицу Сейр назвали в нашу честь, папочка? – изумлялась я, впечатлительная, как все семи-восемилетние дети.

– В честь Уильяма и моего отца. Они вдвоем придали городу его нынешний облик, дети.

Тони, казалось, воспринимал семейную историю Сейров как должное. А вот меня завораживали все эти ныне покойные родственники, и я не уставала задавать вопросы об их свершениях. Я жаждала историй.

Папа рассказывал о том, как его отец, Дэниел Сейр, основал газету «Таскиги», а потом вернулся в Монтгомери, стал редактором «Монтгомери пост» и обрел влияние в местной политике. И папа рассказывал о мамином брате, «великом генерале Джоне Тайлере Моргане», который громил союзные войска при каждой возможности, а позже стал выдающимся сенатором Соединенных Штатов. От мамы я узнала об ее отце, Уиллсе Махене, сенаторе США от штата Кентукки, благодаря чьей дружбе с сенатором Морганом мои родители и познакомились на Новогоднем балу Моргана в 1883 году. Дедушка Махен однажды баллотировался в президенты.

В тот день в Красном Кресте я задумалась: не стала ли наша семейная история обузой для Тони? Быть может, она слишком довлела над ним. Возможно, именно поэтому он женился на Эдит из семьи фермеров-арендаторов, а потом нашел работу в Мобиле и уехал из Монтгомери. Быть единственным выжившим сыном в семье – не первенцем, не сы-

ном, которого назвали в честь деда, в свое время несшего на своих плечах львиную долю ответственности за судьбу Монтгомери, не сыном, который умер от менингита всего восемнадцати месяцев от роду, – такую ношу легкой не назовешь.

Распутав ситцевую скатку, я заставила свои мысли изменить направление и протянула Элеанор свободный конец.

– Вчера пришло письмо от Артура Бреннана, – сказала я. – Помнишь такого? Мы познакомились в мою прошлую поездку в Атланту.

Элеанор сосредоточенно нахмурилась, пытаясь разобраться со скаткой:

– Вниз большие или указательные?

– Указательные. Семья Артура выращивала хлопок еще до Революции. У них все еще остались рабы, которые не захотели уходить. Папа говорит, это живое доказательство, что президент Линкольн напрасно разорил Юг.

Элеанор довольно ловко намотала несколько слоев.

– Артур – это парень на зеленом «Дорте»? Блестящий автомобиль, на котором мы катались?

– Он самый. Восхитительная машина, да? Артур говорит, «Дорт» стоит в два раза дороже «Форда» – может, тысячу долларов. Судья скорее станцует голым перед зданием суда, чем потратит столько на машину.

Эта мысль повеселила меня. Продолжая отматывать ситец для Элеанор, я представила, как папочка выходит из трамвая

в своем полосатом костюме, с зонтом и кожаным портфелем в руках. У широкой мраморной лестницы здания суда припаркован зеленый «Дорт», отполированный капот и хромированные подножки сияют в лучах солнца. Человек во фраке и шляпе-цилиндре, некий посланник дьявола, манит моего отца к машине, они беседуют, папочка качает головой и хмурится, указывая на свой зонтик. Подняв палец, он читает краткую проповедь об относительной ценности и этичности растрат, человек в цилиндре решительно качает головой, и папочке остается только раздеться прямо на месте и пуститься в пляс.

В своем воображении я из уважения представила отца вдалеке от себя и спиной к себе. На самом деле я еще никогда не видела обнаженного мужчину, хотя видела маленьких мальчиков и картины эпохи Возрождения, которые, как мне казалось, вполне отражали реальность.

– Кстати о голых людях. – Элеанор облокотилась на стол, чтобы забрать у меня из рук конец ситцевой ленты. – Вчера вечером в кинотеатре один летчик, капитан Уэнделл Хаскинс, сказал... спросил меня, правда ли, что ты разгуливала вокруг бассейна в купальном костюме телесного цвета. Он был в кино с Мэй Стейнер, а спрашивал о тебе – каков, а! Мэй тогда отошла к киоску и ничего не слышала – хоть в этом он повел себя как джентльмен.

– Как бы я хотела в тот день быть у бассейна – хотя бы

для того, чтобы увидеть лица старых матрон! – подала голос Сара.

– Ты была на балу прошлой зимой, когда Зельда прицепила веточку омелы к своей юбке сзади? – спросила Ливи.

– А были бы вы здесь с нами в среду! – подхватила Элеанор. – Зельда уселась за руль трамвая, пока водитель докуривал на углу. Он так и остался стоять с выпученными глазами, а мы укатили на Перри-стрит!

– Честное слово, Зельда, тебе достается все веселье, – вздохнула Сара. – И ты никогда не влипаешь в неприятности!

– Все боятся ее папочки, так что просто грозят ей пальцем и отпускают восвояси, – усмехнулась Элеанор.

– Даже мои сестры его боятся, – кивнула я.

– А ты – нет, – сказала Ливи.

– Он лает гораздо больше, чем кусает. Так, Эл, что же ты ответила капитану Хаскинсу?

– Я сказала: «Капитан, никому не рассказывайте, но не было никакого купального костюма».

Ливи фыркнула.

– Вот за это, Эл, я тебя и люблю, – улыбнулась я. – Продолжай в том же духе, и матроны и тебя будут называть дрянной девчонкой.

Элеанор выудила булавку из миски на столе и закрепила конец скатки.

– Он спрашивал, есть ли у тебя кавалер, кто твои родите-

ли, чем занимается твой папочка, имеются ли братья и сестры...

– Может, он искал предлог поговорить с тобой, Элеанор, – вмешалась Сара.

– В таком случае он бы догадался задать хотя бы пару вопросов обо мне, – тепло улыбнулась Саре Элеанор. – Нет, он точно заиклился на мисс Зельде Сейр из дома номер шесть по Плезант-стрит, той, что носит туфли с открытыми носами и ангельские крылья за спиной.

– И дьявольскую улыбку на лице, – добавила Ливи.

– И чистое сердце в груди, – добавила Сара.

Я изобразила, что меня тошнит.

– Он сказал, что с Мэй у них несерьезно, – продолжала Элеанор. – И еще он собирается тебе позвонить.

– Уже позвонил.

– Но ты еще не сказала «да».

– У меня до осени все распланировано, – честно ответила я.

В окружении студентов университетов, которые пока еще увиливали от армии, и сменяющих друг друга офицеров, приехавших обучаться в новых военных заведениях в Монтгомери, мужского внимания мне хватало с головой.

Сара взяла меня за руку.

– Если он тебе нравится, не стоит тянуть. Их ведь могут перевести в любой день.

– Да, – поддержала Элеанор. – Сейчас или никогда.

Я высвободила руку из ладони Сары и вытащила из корзины позади нас еще один ворох ткани.

– Если вы не слышали, идет война. В итоге может получиться сейчас или никогда. Так зачем мне это?

– Раньше тебе это не мешало гулять с военными, – заметила Элеанор. – Он ужасно красивый...

– Это правда. Если еще позвонит, может, я...

– Разговорчики, леди, – пожурела миссис Бейкер, проплывая мимо нас, сцепив руки за спиной и выпятив грудь, словно нос боевого корабля. – Как бы ни были важны ваши дела, наши храбрые юноши будут благодарны, если вы уделите их благополучию больше сил и внимания.

Когда миссис Бейкер удалилась, я запрокинула голову, закрыла глаза рукой и на манер Мэри Пикфорд прошептала:

– О, какой стыд!

Глава 2

Тем вечером под высокими сводами бального зала клуба Монтгомери яблоку негде было упасть. Помимо молодых людей и девушек из самых влиятельных семей города здесь собрались несколько компаньонов и десятки офицеров в форме, которые получили членство в клубе на время своего пребывания в лагере Шеридан или Тэйлор-Филд. Этим молодчикам предстояло вскоре присоединиться к своим собратьям-пехотинцам и летчикам на поле боя или в воздухе, но в то мгновение они были так же юны, счастливы и готовы к романтике, как и остальные гости.

Наша балетная труппа готовилась за кулисами. Пуанты сидели идеально, ленты были затянуты крепко, пачки застегнуты и взбиты для пушей пышности. Губы покрашены, щеки нарумянены, хотя никому из нас, полыхающих жаром и румянцем, это не было нужно. Последняя проверка костюмов. Еще раз растянуть сухожилия, разработать щиколотку, хрустнуть суставами. Всем выплюнуть жевательную резинку.

– Дамы, двухминутная готовность, – объявила мадам Катрин. – Построились.

Одна из девушек помладше, Мари, чуть отодвинула занавес, чтобы выглянуть в зал.

– Вы только посмотрите на всех этих офицеров! – вос-

кликнула она. — Уж я не отказалась бы от соло.

— Если бы танцевала так же хорошо, как Зельда, может, тебе бы и досталось, — ответила другая. — И не налегай на пирожные.

— Чшш! — шикнула я. — Это детская полнота. Время и практика — вот все, что тебе нужно, Мари.

— Ты прямо как принцесса, — она вздохнула.

Мама убрала мои волнистые волосы в насколько возможно аккуратный пучок с окантовкой из крошечных чайных роз из своего сада. Темно-розовый цвет роз был в точности того оттенка, как мое отделанное сатином трико и на тон темнее моей воздушной пачки. Я действительно была принцессой, по крайней мере, здесь и сейчас — а здесь и сейчас всегда было единственным, что меня заботило.

Заиграл оркестр, и я застыла в ожидании своего выхода. Бросила еще один взгляд вниз, чтобы убедиться, что ленты пуантов завязаны, а край пачки не оказался заправлен в чулок. Не забуду ли я сделать еще одно фуэте, которое профессор добавила в последний момент? Не забудут ли две новенькие расступиться, когда я выйду позади них на сцену?

Однако стоило мне ступить на сцену, как волнение улетучилось и я почувствовала такую легкость, что готова была поверить, будто одна из прачек-креолок наложила на меня особые чары. А может, причина легкости — осознание, что я наконец-то разделалась со школой? Или дело в духе военного времени, в ощущении, что время теперь летит быстрее,

оставляя нас позади? Как бы то ни было, мое тело было податливым и не знало усталости. Казалось, не успела я начать танец, как грянули завершающие аккорды и представление завершилось под аплодисменты и одобрителные возгласы.

Выйдя на поклон, я заметила в первых рядах офицеров. Как и другие офицеры, которых я встречала, эти ребята были немного старше моих обычных кавалеров. Их форма с внушительными медными пуговицами и высокими кожаными сапогами придавала им элегантность, которой не хватало местным парням – даже тем, которые учились в колледже. Солдат окутывала аура неизбежных приключений, предвкушения путешествий и сражений, крови и пуль и, возможно, смерти. И оттого жизнь в них была ключом.

Мне в глаза бросилась пара сапог более светлого оттенка, чем остальные. Распрямившись, я проследила взглядом от сапог до оливкового цвета бриджей, идеально сидящей форменной рубашки... А еще выше увидела ангельское лицо с глазами, зелеными и выразительными, как Ирландское море. Эти глаза захватили меня и удерживали крепче, чем букашку в паутине, глаза, в смеющейся глубине которых затаился целый мир, глаза, похожие на...

Что-то толкнулось мне под локоть.

– Зельда, иди! – прошептала одна из молоденьких балерин, заставляя меня занять свое место в цепочке, направляющейся за кулисы.

Когда я вернулась в зал, переодевшись в свое платье, на

этот раз не отказавшись от корсета и туфель и капнув на себя мамиными розовыми духами, офицера нигде не было видно. Так что я станцевала танго с мальчиком, которого знала всю жизнь, а затем еще с полдюжины танцев, с каждой новой мелодией меняя партнера.

Пот собирался у меня на бровях, холодил руки, стекал по спине, и я переходила от одного юноши к другому, ни одному не выказывая больше внимания, чем остальным. Они были удачными аксессуарами, эти ребята. Хорошо танцевали и составляли неплохую компанию, не более того. Хотя им бы я этого не сказала. Гораздо веселее, если они воображают, будто у них есть шанс.

Наконец я сделала передышку, чтобы глотнуть чего-нибудь прохладительного. Пока стояла у дверей, потихоньку остывая, в ожидании, пока вернется с напитками мой последний партнер, ко мне приблизился тот самый офицер в бежевых сапогах. Теперь я обратила внимание и на его накрахмаленный белоснежный воротничок, на мягкую, но уверенную линию подбородка, на безупречную миндалевидную форму глаз в обрамлении длинных пушистых ресниц. Господи Боже!

Он поклонился.

– Лейтенант Скотт Фицджеральд. Я надеялся познакомиться с вами.

Его голос оказался глубже, чем я ожидала, и без малейшего следа алабамского говора или иного южного акцента.

Я сделала вид, будто потрясена его прямолинейностью.

– Но нас даже не представили друг другу, как положено...

– Жизнь нынче может оказаться невероятно короткой, а ваш последний партнер может вернуться в любой момент. – Он склонился ближе. – Уверяю вас, моим поступком движут не столько наглость и невоспитанность, сколько благоразумие.

– Что ж, генералу Першингу следует попросить у вас стратегических советов. Я Зельда Сейр, – я протянула руку.

– Зельда? Какое необычное имя. Это семейная традиция?

– Оно цыганское. Из романа под названием «Судьба Зельды».

– Из романа, в самом деле? – Он рассмеялся.

– А что, вы полагаете, будто моя мать безграмотна? Вообще-то женщины на Юге умеют читать.

– Нет, что вы. Я впечатлен, вот и все. Персонаж – цыганка – это... да это же замечательно! Видите ли, я писатель. Вообще-то, один мой роман как раз сейчас рассматривают в «Скрибнерс» – это издательство в Нью-Йорке.

Я отродясь не слышала ни о каких издательствах. Зато я видела, что он держится совсем иначе, чем другие юноши – другие мужчины, поправила я. Ему, должно быть, уже за двадцать. И в его речи слышался драматизм, к которому склонны люди, играющие, как и я, в театре. Когда проводишь столько времени на сцене, эта привычка просачивается в жизнь. Или, быть может, наоборот.

– Я думала, вы офицер, – пробормотала я.

– Это мое дополнительное занятие.

– В вашей речи совсем не слышно Юга, лейтенант. Откуда вы родом?

– До того, как начал служить, я жил в Принстоне. Военную подготовку проходил в Нью-Джерси. А детство провел в Миннесоте, в городе Сент-Пол.

– Янки вдоль и поперек. – Я украдкой взглянула за его плечо.

Как бы мне ни хотелось пить, я надеялась, что мой партнер забудет вернуться.

– Да, хотя с тех пор, как меня направили в лагерь Шеридан, Юг мне весьма полюбился. И моя симпатия все возрастает.

В его чарующих глазах читалось то, что мама назвала бы «намерением». Какой-то огонек, искра, блеск или сияние. Сказки, что я читала в детстве, были полны таких слов и таких взглядов.

– Что ж, это придаст вам популярности в здешних местах, – отозвалась я.

– Я полон надежд, – улыбнулся он.

От его улыбки по мне словно прошла волна вибрации. Наверное, так себя чувствовали те, кто прошел сквозь привидение или сквозь кого прошло привидение.

– Полон надежд, – повторил он, когда оркестр заиграл вальс, – и твердо намерен пригласить вас на танец.

– А я жду симпатичного парня из Бирмингема, он должен вернуться с напитками. Жара убийственная. Не представляю, каково вам в этом, – я кивнула на форму. – Разве не хочется раздеться и броситься в ближайший водоем?

– Полагаю, все дело в том, что в водоемах не хватает музыки и прекрасных юных дам. Я обнаружил, что танцы здорово отвлекают от неудобств, причиняемых шерстяной одеждой. Неужели вы меня не выручите?

Он протянул мне руку. Как я могла отказаться? Да и зачем было отказываться?

– Пожалуй, таким образом я и впрямь послужу на благо Родины, – произнесла я.

Тут подошел мальчик из Бирмингема с пуншем. Я забрала у него бокал, осушила его одним движением и вернула со словами:

– Огромнейшее спасибо!

Я позволила Скотту увести меня в зал.

Он танцевал не хуже, чем другие мои партнеры, а может, и лучше. Казалось, часть энергии, которая переполняла меня в тот вечер, передалась и ему. Мы кружились в вальсе, будто делали это вместе уже много лет. Мне нравился его запах: от него пахло накрахмаленным сукном и одеколоном. Его рост, дюймов на пять выше меня, казался идеальным, ширина плеч – тоже. Он держал мою руку в своей церемонно и в то же время как-то привычно, его ладонь лежала на моей талии властно и осторожно одновременно. В его ясных

зеленовато-голубых глазах таилась загадка, а уголки губ были едва заметно приподняты.

Из-за всего этого, хотя мы танцевали ловко и ладно, я никак не находила равновесие. Это было непривычное чувство, но Боже, как же оно мне нравилось!

Два часа спустя мы стояли друг напротив друга в розоватом свете уличного фонаря, а позади нас расходились последние гости. В любую секунду могла появиться Элеанор, и тогда водитель ее папочки отвезет нас домой в старом фэтоне, которым я однажды попыталась управлять самостоятельно. Мне тогда было двенадцать, и лошади едва не умчались вместе со мной в неизвестном направлении, но повозка опрокинулась и меня вышвырнуло на живую изгородь.

– Расскажите же еще о книжном деле, – попросила я. – Из моих знакомых никто не писал ничего длиннее статьи в газету. Матушка однажды написала короткую пьесу, но это едва ли считается, ведь это был музыкальный спектакль продолжительностью всего четырнадцать минут для благотворительного бала, мы здесь постоянно их устраиваем. А вы у себя на Севере?

– Так вы хотите узнать о моем романе или об общественных нравах в Сент-Поле? – Он рассмеялся.

– О романе. И о нравах тоже. Расскажите мне обо всем, о чем только можно, пока Эль меня не утащила.

– Давайте поступим так: я пришлю вам одну главу, и вы сами ее оцените. И в будущем сможете рассказывать, что ста-

ли одной из первых, кто прочитал ошеломительную первую книгу Ф. Скотта Фицджеральда.

– Ф. Скотта?

– Фрэнсиса – меня называли в честь кузена Фрэнсиса Скотта Ки – знаете «Усеянное звездами знамя»?

– Не так чтобы очень...

– О том и речь. К тому же «Ф. Скотт» звучит внушительней. Более авторитетно, не находите?

– Совершенно верно, – кивнула я. – Вот я уже зауважала вас сильнее, а ведь еще не прочитала ни строчки. Предлагаю, как буду вами восхищаться, когда закончу главу. А уж когда появится самая настоящая книга... – Я не закончила предложение, позволяя воображению Скотта завершить мысль за меня.

Я хотела, чтобы он рассказал еще о том, как ему это удалось – написать целый роман, о том, что он любит читать. И хотела рассказать ему о том, что люблю читать я. А потом мы бы поговорили о том, о чем пишут в этих книгах. Например, об Индии – я всю жизнь зачитывалась Киплингом. Или о вымышленной Костагуане из «Чужого» Джозефа Конрада – слышал ли он о ней вообще? Где, по его мнению, она располагалась? Читал ли он «Тарзана – приемыша обезьян»? Африка, вот о чем стоило поговорить!

– Но «самой настоящей книги», быть может, придется еще подождать, – сказал он. – Увы. Пока я могу дать вам прочесть что-нибудь другое, если пожелаете. Вы любите читать?

– Я готова читать все что угодно. Моя подруга Сара Хардт совсем недавно прислала мне престраннейшую историю, «Герлэнд», ее опубликовали в журнале. Это про общество, которое состоит сплошь из женщин. Мне такое не очень пришлось бы по душе.

Он усмехнулся.

– И я этому рад.

Никто из моих знакомых юношей не интересовался книгами. Для них значение имели только футбол, лошади и гончие. Я смотрела на Скотта, залитого розовым светом, на его сияющие волосы и кожу, в его глаза, горящие радостью, честолюбием и энтузиазмом, и у меня кружилась голова.

– Вот ты где! – воскликнула Элеанор, приобнимая меня за талию. Она появилась в сопровождении какого-то здоровяка. – Я думала, ты улизнула, как в прошлый раз.

– Улизнула? – переспросил Скотт. – Знал бы я...

– Чтобы покурить, – спохватилась через мгновение Элеанор – пришлось ее ущипнуть. – Она улизнула, чтобы покурить с парой девочек постарше.

– Старше чем?..

– Семнадцать, – ответила я. – Восемнадцать мне исполнится двадцать четвертого июля, это через двадцать шесть... то есть уже почти через двадцать пять дней, учитывая, что вот-вот пробьет полночь. Через двадцать пять дней мне будет восемнадцать.

– И тогда, надеюсь, она сразу станет более покладистой.

Мы не очень много курим, – заверила его Эль. – Но это помогает предотвратить боль в горле.

– Это просто приятно, – возразила я. – И потому закон и мой папочка всегда возражали против того, чтобы это делали женщины.

– А вы-то, кстати, кто такой? – обратилась Эль к Скотту. Она указала на своего спутника. – Это мой новый друг, который вот-вот нас покинет, Уилсон Креншоу Уитни Третий.

– Скотт Фицджеральд, единственный и неповторимый, – отозвался Скотт. И, посмотрев на меня, добавил: – Который очень огорчен, что вынужден будет последовать примеру Уитни.

– Меня просто выводит из себя, что нужно ехать домой, – вздохнула я. – Не будь я девушкой...

– ...я бы не настаивал сейчас, чтобы вы позволили позвонить вам завтра. Вы позволите?

– Это послужит мне утешением, – ответила я.

Фаэтон затормозил прямо перед нами. Я последовала за Эль к дверям.

– Резиденция судьи Энтони Сейра, – обернувшись, произнесла я. – Оператор вас сразу соединит.

Облака, утром беспорядочно разбросанные по небу, к полудню собрались в огромные высокие колонны с похожими на наковальни плоскими вершинами. Я лежала на кровати, раскрыв дневник, с карандашом в руке. Одним ухом пыта-

лась уловить первые признаки грома, грозящего расстроить мои вечерние планы, вторым ждала знакомых трех коротких звонков, возвещающих о телефонном вызове. Скотт все еще не позвонил, и я уже почти уверилась, что больше ждать не стоит.

«Сплошные слова, никакого смысла, – подумала я. – Наверное, писатели все такие».

На пороге моей спальни появилась Тутси:

– Время чая. У Кэти будет лимонный пирог или сэндвичи с помидорами, а я буду джин.

– Значит, мама ушла.

– Детка, мне двадцать девять. Видит Бог, я уже не школьница.

– И все же, чтобы пропустить стаканчик, ты по-прежнему дожидаясь, пока мама уйдет.

– Стараюсь проявлять такт. В любом случае, больше беспокоиться надо из-за папочки. Если он когда-нибудь увидит меня с сигаретой, помоги мне Бог. Я приготовлю джин с мятой и малиной. Будешь?

– Хорошо, конечно. – Я бросила взгляд на дневник, где писала о своей утренней работе в Лиге служения стране.

Мы, добровольцы, подавали булочки и кофе солдатам в буфете на железнодорожной станции, и один женатый офицер явно положил на меня глаз. Понимая, что поощрять его не положено, я все же заигрывала с ним. Он был симпатичным и забавным, чего же здесь дурного? Он всего лишь по-

могала мне не заскучать до конца смены, когда я могла вернуться домой и ждать звонка от моего очаровательного лейтенанта.

– Тутси, – обратилась я к сестре, – а как ты поняла, что влюбилась в Ньюмана?

– О-хо! – Она уселась рядом со мной. – И кто он? Рассказывай!

– Миз Розалинд, что вы выбрали? – слышался голос Кэти.

– Что мы решили? Пирог?

Я наморщила нос.

– Сэндвичи! – прокричала Тутси. – И сполосни для меня ягоды, хорошо?

– Да-м.

– А теперь рассказывай. – Тутси снова повернулась ко мне.

– Да не о чем рассказывать. Просто думаю, мне надо знать, к чему готовиться. Я хочу сказать, как распознать настоящую любовь? Все, как у Шекспира? – Я распрямилась и взяла Тутси за руки. – Знаешь, с вздымающейся грудью, трепещущим сердцем и безумием?

Телефонная трель на первом этаже заставила мое сердце бешено заколотиться. Тутси крепко сжала мою руку, когда я подпрыгнула от этого звука.

– Да, да, все именно так. Мужайся, сестренка.

Глава 3

Июль перевалил за середину, когда, выходя с Сарой Хардт из шляпного магазина на улице Коммерс, я услышала:
– Мисс Сейр! Здравствуйте!

Скотт помахал и направился к нам, пробираясь через сонм молодых женщин, которые провожали его взглядами. Проходя мимо, он приподнимал шляпу и улыбался им. Даже в штатском – белой рубашке, синей жилетке и коричневых бриджах – он казался чем-то экзотическим, редким и желанным.

После нашей первой встречи я видела его еще дважды: когда он принес мне отпечатанную на машинке главу своего романа и еще раз, после того, как ее прочитала. Обе встречи были слишком короткими – мы только обменялись улыбками и комплиментами над сырными крекерами (Скотт) и дыней (я) за обедом, пока Элеанор и Ливи подглядывали из-за соседнего столика. Несмотря на большой соблазн отметить все договоренности и полностью посвятить себя красавцу-янки, ворвавшемуся в мою жизнь (как о нем отзывалась Тутси), я не считала, что его внимание стоит воспринимать всерьез.

– Как я рада, что мы с вами столкнулись, – улыбнулась я, когда он подошел.

– С моей стороны будет слишком прямолинейно сказать,

что это не совпадение? Ваша сестра сообщила, что я, возможно, найду вас здесь.

– Что ж, мы польщены, да, Сара? Ах да, Сара, это лейтенант Скотт Фицджеральд из Принстонского университета. Это мисс Сара Хаардт из колледжа Гаучер. И теперь я чувствую себя необразованной, хотя и не испытываю потребности учиться в колледже. Я и школу-то едва высидела.

– Рад познакомиться, мисс Хаардт.

– Она у нас умница, не обманывайтесь, – отозвалась Сара.

Я кивнула на витрину магазина:

– Мисс Хаардт как светская львица пытается разъяснить мне, что нынче носят на голове современные леди. Как я поняла, это не торты с перьями, которые вы здесь видите.

– Вынужден согласиться, – кивнул Скотт. – Когда я в последний раз был в Нью-Йорке, во всех магазинах были выставлены шляпки поменьше и не такие разукрашенные.

– Парень знает толк в моде!

– Я наблюдателен, только и всего. Это прямая обязанность писателя.

Сара, высокая и худая, с внешностью куда менее выдающейся, чем ее интеллект, внимательно посмотрела на Скотта.

– Так вы пишете? – Это прозвучало невинно, будто я не успела выложить ей все, что знала о нем.

– С тех самых пор, как впервые взял в руки карандаш.

– Как увлекательно! – воскликнула Сара. – Я и сама

немного пишу. Мы с Зельдой собирались пообедать. Почему бы вам не составить нам компанию и не рассказать о своей работе?

– Я был бы счастлив, но мне нужно возвращаться в Шеридан. – Скотт повернулся ко мне. – Прежде чем уйду, мисс Сейр – Зельда, могу я называть вас так? – Я помню, как вы пару раз упоминали, что на следующей неделе у вас день рождения. С вашего позволения, я бы хотел организовать небольшой вечер в Клубе в вашу честь.

– Серьезно? Не знаю, что сказать...

– Говорите, что пожелаете, только не отказывайтесь.

– Это ограничивает выбор. – Я рассмеялась.

– На то и был расчет. А теперь мне надо бежать. – Уходя, он широко улыбнулся. – Я позвоню вам, чтобы сообщить подробности.

Глядя, как он стремительно удаляется, Сара вздохнула.

– Как чудесно он придумал! Жаль, придется его разочаровать.

– Хочешь сказать, жаль, придется разочаровать маму и сообщить, что ее праздник отменяется. Но я обязательно попрошу Скотта пригласить ее и судью. И что-то мне подсказывает, у нее все равно будет возможность испечь торт.

Когда вечером после десерта я поделилась новостями в нашей гостиной, папа заявил:

– Этому мальчишке явно не хватает благоразумия. Он с

тобой едва знаком. Откуда он, говоришь?

Я не говорила и не собиралась.

– Он отучился три года в Принстоне, потом ушел оттуда в армию и теперь служит в лагере Шеридан.

– Надо признать, энтузиазма ему не занимать, – подала голос мама.

– Это правда, – согласилась Тутси, отрываясь от вышивания. Она вышивала американский флаг, и я уже дразнила ее, что она превращается в Бетти Росс. – Когда молодой человек позвонил сегодня утром и я сказала, что Зельды нет дома, он заявил, что ему совершенно необходимо знать, где ее можно найти. «Дело чрезвычайной важности!» – сказал он так, будто от этого зависела его жизнь.

– Пустозвон, вот кто он такой. Наверное, денег слишком много, а здравого смысла не хватает. Типичный саквояжник¹. Не удивляйтесь, когда окажется, что родители его родом с Севера.

– А я считаю, это ужасно романтично, – пропела я. – И, в конце концов, день рождения-то у меня.

Папа потянулся за коньяком – единственный алкогольный напиток, который он позволял себе, и то лишь в пятницу вечером.

– Будь что будет, но твоя мать...

– ...понимает всю притягательность симпатичного поклонника, – перебила она и ласково улыбнулась папе.

¹ Северянин, добившийся влияния и богатства на юге. – *Примеч. пер.*

Этого оказалось достаточно, чтобы заставить его сдаться.

Вечеринка в честь моего дня рождения состоялась вечером в одном из салонов клуба – зале с высокими сводами, освещенном огромной хрустальной люстрой под потолком и хрустальными светильниками поменьше на стенах. Ради этого случая я уговорила маму укоротить мое травянисто-зеленое шелковое платье с глубоким вырезом так, чтобы линия подола проходила по середине щиколотки. К нему я подобрала соломенную шляпку с узкими полями и лакированные туфли на высоком каблуке, похожие на те, что видела в журнале о кино.

– Расскажи мне побольше об этом пареньке, – попросила мама, подкалывая мое платье булавками.

– Тебе просто надо его увидеть. Тогда ты сама поймешь, – ответила я.

Я очень любила клуб, ведь там происходило столько всего увлекательного. Но газовые лампы казались безнадежно устаревшими теперь, когда в большинстве современных зданий использовалось электрическое освещение. Восточные ковры с элегантными проплешинами, скрипящие половицы и тихие темнокожие слуги тоже воплощали собой полную противоположность всего современного и гордились этим. Это был Юг моего папы и клуб моего папы. Нет, отец им не владел, но вполне мог бы.

А сейчас Скотт стоял в центре зала, подняв руки вверх,

и объявлял:

– Дамы и господа, добро пожаловать на *fête*² в честь восемнадцатилетия мисс Зельды Сейр! Я Скотт Фицджеральд, хозяин праздника и самый преданный поклонник мисс Сейр.

Он выглядел очень изысканно в ладно скроенном жемчужно-сером костюме с бледно-голубым галстуком в тонкую серую полоску. Его глаза, зеленовато-серые в этом освещении, напоминали мне о нечастых в Монтгомери наледях или о быстром ручье, бегущем ранней весной по устланному галькой руслу. В них светился ум, и при виде этого сияния хотелось нырнуть в голову Скотту и плескаться в глубинах его разума.

Мои друзья заплодировали, и Скотт продолжил:

– Джаспер, наш бармен, создал новый напиток в честь Зельды. Я описал ему эту девушку, и вот оно – сочетание джина, содовой и абрикосов. Все вы обязаны его попробовать – это возмутительно вкусно!

– Ну и что ты об этом думаешь? – прошептала Сара Мэйфилд, наблюдая, как Скотт что-то уточняет у Ливи, сидящей за пианино. – Он от тебя без ума, да?

– Похоже на то. – В груди что-то странно сжалось.

– Все это должно было обойтись ему в месячный заработок. Он из богатой семьи?

– Понятия не имею. Учился в Принстоне, так что, навер-

² Торжество (фр.). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.

ное, какие-то деньги есть.

– Сколько ему лет?

– Двадцать один, – шепотом ответила я. – Он писатель, уже написал один роман. Я читала отрывок, книга отличная. Он собирается стать знаменитым.

– Не худший план.

– Судья говорит, человек, устраивающий такой вечер для девушки, с которой едва знаком, непременно окажется пу-
стозвоном.

Сара посмотрела на моего папу, чьи скованная поза и выражение лица ясно говорили, что он тут не по своей воле.

– Не самое худшее качество, – пробормотала она.

Заиграла музыка, и Скотт подошел к нам с Сарой.

– Я убедил вашу подругу-пианистку мисс Харт сыграть нам фокстрот. Потанцуем?

– Учитывая, сколько усилий вы потратили, полагаю, мне стоит согласиться.

– Она всегда так остра на язык? – спросил Скотт у Сары.

– Советую вам быть поосторожней, мистер, – откликнулась она.

Чуть позже он рассказал мне о том, как проехал на поезде через всю страну – из Принстона через Чикаго в Сент-Пол. В его рассказе земля была устлана сверкающими бриллиантами, попутчики, которых он изображал в лицах и красках, были мудрыми, забавными или печальными, а из городов, как из рога изобилия, лились честолубие и промышленность.

«Какой он опытный», – подумала я.

Я-то, напротив, не бывала от дома дальше, чем в горах Северной Каролины.

«Опытный, но при этом дружелюбный и резвый, как золотистый ретривер», – размышляла я.

Я уже собиралась спросить, не было ли у него в роду золотистых ретриверов, но тут папа отвел меня в сторону:

– Малышка, пора откланиваться.

– Еще рано.

– Неважно. Мистер Фицджеральд уже трижды предложил нам один из этих коктейлей. Ему следует быть сдержанней.

Я подумала, что коктейль вполне заслуживал внимания, которое ему уделял Скотт, но с папой этой мыслью делиться не стала.

– Уверена, он не станет этого делать, – рассмеялась я.

Отец прищурился.

– Не сомневаюсь, ты тоже отказалась.

– Да, сэр, – соврала я. – Ну, выпила глоточек шампанского, чтобы не оскорбить хозяина вечера. Не хотелось, чтобы кто-то решил, будто ты меня плохо воспитал.

Но папу так просто не обмануть.

– Ясно, что он тебе не пара. Я не желаю, чтобы ты продолжала тратить время на этого мальчишку.

– Ну, судья, это же ее день рождения. – Мама положила ладонь ему на предплечье.

– Я бы очень хотела остаться, папочка, – умоляюще про-

говорила я. – Здесь все мои друзья. Как это будет выглядеть, если я уйду так рано?

Он задумался, затем тяжело вздохнул, будто его шестьдесят лет невидимым грузом давили ему на плечи.

– Тогда пусть Тутси проводит тебя домой, – постановил он, глядя на Скотта, который строил на столе башню из пустых бокалов. – Ясно?

– Да, папочка. Но он хороший человек, тебе просто надо узнать его получше. Когда ты был в нашем возрасте, все было иначе.

Увидев, что мои родители уже в дверях, Скотт бросил свою башню и подбежал пожать руку папе и поцеловать маму в щеку.

– Спасибо вам обоим, что пришли. Зельде повезло, что у нее такие родители. И как вы славно над ней потрудились! – добавил он, обнимая меня за талию. – Замечательная девушка.

– Хм, – ответил папа.

– С днем рождения еще раз, детка, – сказала мама, обнимая меня. – Мы очень тобой гордимся. Трудно представить, что ты уже совсем взрослая. – Ее глаза затуманились. – Все мои дети уже выросли. – Она посмотрела на отца. – Судья, вы должны помочь мне понять, как такое произошло.

– Самым обыкновенным образом, – отозвался отец, подхватывая ее под локоть. – Спокойной ночи, малышка.

Как только они вышли, Скотт обернулся, взял меня за ру-

ку и крикнул Ливи:

– Милая девушка, сыграйте нам танго!

* * *

В нашем переполненном женщинами доме папа уединялся в библиотеке – маленькой комнате, заставленной ломящимися от книг стеллажами из темного клена. Он унаследовал множество книг от своего отца, а потом щедро пополнил коллекцию. Читал серьезные романы, биографии, книги о философии и истории – все это, по его словам, помогало ему лучше понять участь людей, а это понимание в свою очередь помогало ему лучше судить.

«Такой умный человек, как мой отец, который впридачу так любит книги, должен обязательно оценить планы Скотта», – решила я и за ужином через несколько дней после праздника заговорила о романе Скотта.

– Он назвал его «Романтический эгоист». У него пока нет издателя, но одно хорошее издательство – «Скрибнерс» – рассматривает рукопись в эту самую минуту.

– Писательство – хорошее занятие для досуга. Признак живости ума. Но на жизнь этим не заработаешь. На какую службу он планирует поступить?

– Писать книгу – это работа, – неуверенно возразила я. Все профессиональные писатели, о которых я слышала, были очень известными и уже умерли. – Чарлз Диккенс зара-

батывал этим на жизнь. Генри Джеймс тоже.

Папа в ответ поморщился.

Тутси сочувственно улыбнулась.

– Лейтенант Фицджеральд – очень активный молодой человек.

– Активностью, – фыркнул отец, – семью не накормишь, особенно если большая часть его так называемого дохода уходит на выпивку. Фицджеральд – это, знаете ли, ирландская фамилия. Надо думать, он католик. Я человек справедливый, но этот народ заработал дурную славу не на пустом месте. Малышка, тебе не стоит в это ввязываться.

Я закипела:

– Ни во что я не ввязываюсь. Он хороший человек, талантливый. И так уж случилось, что он мне нравится. И я считаю, это большое дело – что его роман собираются напечатать.

– Это не более чем домыслы, – возразил папа, глядя на меня поверх очков. – Предположим, они и впрямь решат опубликовать такого непроверенного писателя. Маловероятно, но, признаю, возможно. Тогда он будет достаточно богат, чтобы купить себе новое пальто или что-нибудь в этом духе. Чудесно.

В столовую вошла Кэти и начала убирать салатные тарелки.

– А ты не думаешь, что его стремление проявить себя заслуживает уважения? – спросила я.

Папа посмотрел на меня как на глупышку.

– Мужчина заслуживает уважения за то, что доводит до конца какое-нибудь значительное дело. Дело, которое послужит его жизни, семье, а когда-нибудь и всему человечеству.

– Книгам это под силу! Знаю, ты так думаешь, иначе зачем столько книг? – Я показала на библиотеку.

– Скотт Фицджеральд – не Диккенс, малышка. И не Джеймс, который, кстати, унаследовал семейное состояние, как и Эдит Уортон, и вся их братия. Он не ученый, не философ, не делец и даже не политик. Кто он? Всего-навсего ирландский щенок, который слишком любит спиртное, не окончил колледж и вот-вот отправится на войну, по окончании которой у него не будет никаких перспектив. Если, конечно, он вообще вернется целым и невредимым. – Папа махнул в мою сторону вилкой. – Прекрати витать в облаках и найди твердую почву под ногами, иначе рано или поздно окажешься в хижине с каким-нибудь черномазым, будешь стирать свою одежду в реке и каждый день есть бобы на ужин.

– Господи, судья, что за жуткая картина! – воскликнула мама. Она похлопала меня по руке. – Кэти, можно подавать ростбиф.

– Да-м.

Меня так и тянуло возразить, но не осталось аргументов. Насколько я видела и знала, мнение отца было непоколебимо.

– Ты же не хочешь, – продолжил он, – чтобы тебе хоть раз пришлось самой зарабатывать на жизнь.

Он прав, мне совсем этого не хотелось. Ни одна уважаемая замужняя женщина не стала бы работать, будь у нее выбор, – только не в Алабаме. Так уж нас воспитали: наши умы должна занимать только одна цель – выйти замуж за лучшего парня, какого мы только сможем найти. И сколько бы нравил мне ни хотелось нарушать, об этом я даже не задумывалась. А потому все, что мне оставалось, это сделать так, чтобы прав оказался Скотт, а не папа.

Глава 4

– Я не могу остаться на ужин, но я должен был тебя увидеть, – сказал Скотт.

Стоял октябрьский вечер, и я ждала Скотта на переднем крыльце. Скотту и самому в последнее время приходилось много ждать – пока решится судьба его романа, который уже был единожды отвергнут и вновь подан на рассмотрение; когда отбудет его полк – мы знали, что это должно случиться со дня на день; когда я объявлю его первым и лучшим среди своих кавалеров и возможным женихом – к чему я пока не была готова. Он не собирался возвращаться на Юг после войны, а я, как бы Скотт ни был мне дорог, не могла просто так оставить дом. Кем я буду, если уеду из Монтгомери?

И все же он продолжал приезжать в наш городок на дребезжащем автобусе всякий раз, когда удавалось вырваться из лагеря Шеридан. Мы отправлялись на долгие прогулки, на танцы. Он водил меня ужинать, а порой мы сидели на ступеньках крыльца у кого-нибудь из наших друзей, прихлебывали джин из фляги, рассказывали истории и смеялись так, как смеются лишь те, кто еще не познал настоящих потерь и лишений. Немало времени мы проводили, упражняясь в поцелуях. Я сразу предупредила, что это ни к чему не обязывает.

– Иначе я уже давно была бы замужем, – пояснила я.

Я старалась скрывать наши встречи от папы, потому что, как говаривала тетушка Джулия, «беда особого приглашения не ждет». Она была урожденной рабыней дедушки Мэ-хена и нянькой моей матери, а воспитывала всех детей Сей-ров. По ее словам, освобождение рабов означало лишь, что теперь нужно учиться еще пуще следить за собой.

Сейчас Скотт был мрачен и, судя по покрасневшим глазам, либо неважно себя чувствовал, либо мучался похмелем. Он уже говорил, что ожидание выдвижения почти dokonало его. Он и еще несколько офицеров целыми ночами пили кукурузный сироп и обсуждали, как расправятся с врагом, если представится шанс. Может, дело действительно только в этом. Я надеялась, что это не тот ужасный испанский грипп, о котором толковали все вокруг.

– Что такое? Ты заболел?

– В каком-то смысле. – Скотт достал из кармана сложенный лист бумаги и передал мне.

В «шапке» значилось: «Сыновья Чарлза Скрибнера», и я сразу поняла, что новости нерадостные. Письмо было коротким, тон – извиняющимся, но не допускающим возражений.

– Ох, мне так жаль. Ты столько трудился.

Он тяжело опустился на верхнюю ступеньку, будто отказ превратил его кости в вату.

– Знаешь, в детстве я был отвратительным учеником. Никак не мог сосредоточиться. А поскольку у моего отца было громкое имя, но не было денег...

– Как у нас, – кивнула я, сходя на пару ступеней ниже и облокачиваясь на перила. – Ни мама, ни папа не получили большого наследства. Папа говорит, что это и хорошо – мужчина должен сам проторить себе путь.

– Твой папа прав. И мои родители надеялись, что со мной так оно и будет, если я всерьез займусь учебой. Тетя предложила мне поступить в Ньюманскую старшую школу и все оплатила. И Принстон тоже. Очень щедро с ее стороны, – сухо проговорил он, сковыривая заусенец. – А меня страшно злило, что я для нее всего лишь благотворительный проект. У всех моих одноклассников были папаши-миллионеры, собственные дома, заграничные поездки, роскошные балы... Отчего я не родился таким? – Он перевел взгляд на меня, и я пожала плечами. – Я хотел, чтобы мне нашлось место за их столами. Я и писать стал для этого – чтобы получить если не миллионы, то престиж. В Америке можно проторить собственный путь к вершине в любой сфере. А когда ты это сделаешь, что ж, тогда тебя примут. – Он кивнул на письмо, которое я все еще сжимала в руке. – Здесь, девочка моя, закончилась мечта.

По моему настоянию мы вышли во двор, чтобы нас нельзя было подслушать из-за окон возле крыльца, и я опустилась на траву. Он рухнул рядом со мной.

– Разве нет других издательств? – спросила я.

– Главную ставку я делал на «Скрибнерс», – вздохнул Скотт, откидываясь на спину и всматриваясь в розовато-ли-

ловое небо. – С тем же успехом можно отправляться служить мишенью для фрицев.

– Не говори глупостей. Ты лучший писатель! Людям в «Скрибнерс» просто не хватает ума это разглядеть. Наверное, там сидит толпа надутых старых консерваторов, которым воротнички натерли шею.

Он тускло улыбнулся.

– Это действительно консервативное издательство... – Но так же быстро улыбка сползла с его лица. – Мои идеи слишком радикальны. А мой стиль недостаточно традиционен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.